

ЭЛЕОНОРА МАКСВЕЛЛ

ЗАЛОЖНИЦА МИЛЛИАРДЕРА

Он держал её в плену.
Она держала в руках его жизнь.

Элеонора Максвелл

Заложница миллиардера.

<https://litres.ru/74106499>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда самый опасный человек — тот, кому ты нужна, чтобы выжить.

Он - молодой миллиардер, запертый в собственном теле. Она - талантливая врач, которую привозят в мрачное поместье против её воли. Дом, где за заботой скрывается контроль, за болезнью — чужой расчёт, а за каждым закрытым дверным замком — тайна.

Он богат, холоден, привык отдавать приказы и больше не верит никому. Она — врач, которая умеет видеть правду там, где другие ставят удобный диагноз. Между ними не может быть доверия: слишком много страха, тайн, боли и власти.

«Заложница миллиардера» — эмоциональный роман с детективной интригой, медицинской драмой, семейными тайнами и сильным психологическим напряжением. Для читателей, которые любят истории о властных героях, сильных героинях, фиктивном браке, опасных чувствах и любви, которая возможна только там, где появляется свобода.

Он хотел удержать её любой ценой.

Но сможет ли отпустить, если она станет для него единственным шансом на жизнь?

Содержание

Глава 1. Дорога без адреса	4
Глава 2. Пациент номер один	23
Глава 3. Человек, который ненавидит жалость	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Заложница миллиардера.

Глава 1. Дорога без адреса

Катя пришла в себя не сразу, а будто выплыла из густой, вязкой темноты, в которой не было ни времени, ни звуков, ни собственного тела. Сначала она почувствовала движение — мягкую, ровную дрожь под спиной, едва заметные толчки на поворотах, глухой шум шин по мокрому асфальту. Потом запах: кожа автомобильного салона, холодный металл, слабый след дорогого мужского одеколona и что-то медицинское, неприятно знакомое, от чего сознание дёрнулось быстрее, чем мышцы. Последним пришёл страх. Он не обрушился сразу, не заставил закричать и забиться, а лёг внутрь тяжёлым камнем, потому что память вернулась слишком ясно: больничный двор после смены, пустая дорожка к остановке, тёмная машина у служебного входа, рука на её локте, чья-то ладонь с тканью у лица и короткое, почти вежливое предупреждение не сопротивляться.

Она не открыла глаза сразу. Привычка врача, за которую её часто хвалили преподаватели и ругали коллеги, оказалась сильнее паники: сначала понять, потом действовать. Катя медленно прислушалась к себе, не двигаясь. Голова болела глухо, будто череп изнутри набили ватой, во рту пересохло,

запястья были свободны, но пальцы слушались плохо. Рёбра не болели, дыхание оставалось ровным, значит, её не били. Тошноты не было, сознание не распадалось, значит, препарат действовал недолго или дозу рассчитали осторожно. Эта мысль почему-то испугала её сильнее грубой силы. Те, кто её забрал, не импровизировали. Они знали, сколько нужно, чтобы отключить женщину её роста и веса, и знали, как привезти её живой, целой, пригодной для того, ради чего всё было устроено.

Она приоткрыла глаза настолько, чтобы свет не ударил резко. Вокруг был просторный салон большого автомобиля, отделанный тёмной кожей. Окна казались почти чёрными, за ними скользили смазанные полосы света: редкие фонари, мокрые обочины, силуэты деревьев, которые исчезали раньше, чем взгляд успевал за них зацепиться. Катя лежала не на полу, как в дешёвом криминальном сериале, а на широком заднем сиденье, укрытая пледом. Эта странная заботливость, почти издевательская в своей аккуратности, вызвала у неё холодную злость. Её похитили, но незасунули в багажник, не связали, не заткнули рот, как будто всё происходящее было не преступлением, а вынужденной деловой процедурой, неприятной, но уже оплаченной и потому не нуждающейся в лишней жестокости.

Напротив, в откидном кресле, сидел мужчина. Катя заметила его раньше, чем он пошевелился, и сразу поняла, что он всё это время следил за ней. Лет сорока или чуть мень-

ше, крупный, собранный, с лицом человека, который привык молчать дольше, чем нужно для обычной вежливости. На нём был тёмный костюм без галстука и пальто, наброшенное на плечи. Он не выглядел ни нервным, ни довольным. В его неподвижности было что-то служебное, будто он не похищал человека, а сопровождал важный груз, за который отвечал лично. Катя медленно села, преодолевая слабость, и сразу почувствовала, как салон качнулся вокруг неё. Мужчина не потянулся помогать. Только чуть заметно напрягся, готовый вмешаться, если она решит броситься к двери.

— Где я? — спросила она, и собственный голос показался ей чужим, сухим, слишком хриплым.

Он ответил не сразу. Его взгляд скользнул по её лицу с внимательностью, в которой не было ни любопытства, ни жалости, только оценка состояния.

— В машине, — сказал он наконец. — Вам лучше не делать резких движений. Препарат уже почти вышел, но слабость ещё останется.

Катя усмехнулась, хотя губы едва слушались. В другое время она могла бы оценить точность формулировки, но сейчас от неё хотелось вцепиться ему в лицо. Вместо этого она опустила взгляд на свои руки и заставила пальцы сжаться в кулак. Левая кисть дрогнула хуже правой. Ничего страшного. Временная заторможенность. Она должна была думать как врач, пока ещё могла. Думать, а не отдаваться страху, который уже поднимался к горлу.

— Вы понимаете, что это похищение?

Мужчина не отвёл глаз.

— Понимаю.

Такой ответ лишил её возможности зацепиться за привычную человеческую реакцию. Он не оправдывался, не угрожал, не изображал невинного исполнителя, которого заставили. Он просто признал факт, как признают температуру за окном или время вылета самолёта. В этом спокойствии было что-то почти бесчеловечное, и Катя, несмотря на слабость, выпрямилась. Ей вдруг стало важно сидеть ровно. Не показывать ему, что тело ещё не вернулось полностью. Не дать почувствовать, что она уже приняла их правила.

— Кто вы?

— Тимур.

— Это имя должно мне что-то объяснить?

— Нет.

Он говорил коротко, но не грубо. И оттого становилось ещё хуже. Грубость дала бы ей ясного врага, позволила бы ненавидеть проще. Этот человек не пытался её сломать. Он лишь берёт её настолько, насколько берегут чужую собственность до передачи владельцу. Катя посмотрела на затемнённое окно. Где-то далеко за стеклом мелькнула вывеска автозаправки, но скорость и тонировка не позволили разобрать название. Дорога была не городской. Машина шла ровно, уверенно, без остановок. Навигатор, если он был, не издавал ни звука. В салоне, кроме Тимура, сидел водитель, отде-

лённый полупрозрачной перегородкой; его затылок оставался неподвижным, руки лежали на руле спокойно, будто они ехали на обычную встречу.

Катя вспомнила телефон. Рывком, слишком резким для своего состояния, она сунула руку в карман куртки. Пусто. Второй карман, сумка, которую она машинально поискала рядом, хотя уже знала, что её не будет. Ничего. В груди стало тесно от мысли о Никите. Последний звонок, голос неизвестного мужчины, фраза о том, что её брат слишком легко подписывает чужие долги. Тогда она решила, что это очередная глупость Никиты, очередная история, из которой придётся вытаскивать его разговорами, деньгами, унижительными просьбами к тем, кто любит чувствовать власть над чужими родственниками. Она не успела даже дозвониться ему снова. Теперь его телефон мог молчать по любой причине, и каждая причина казалась страшнее другой.

— Где мой брат?

Тимур впервые чуть изменился в лице. Не смягчился, нет, но его взгляд стал осторожнее.

— С вашим братом сейчас всё в порядке.

— Сейчас?

Он промолчал, и это молчание было ответом точнее любой угрозы. Катя почувствовала, как слабость сменяется злостью, чистой, почти спасительной. Её могли запугать, связать, увезти, но не могли заставить её забыть, что перед ней преступники, каким бы дорогим ни был салон и каким бы

спокойным ни был голос этого Тимура.

— Послушайте меня внимательно, — сказала она тихо, потому что громко говорить не позволяла сухость в горле. — Я врач. Не политик, не бизнесмен, не человек из вашего мира. Если вашему хозяину нужна медицинская помощь, он мог обратиться законно. Вызвать консультацию. Записаться. Прислать документы. Но если вы думаете, что после этого я буду спокойно лечить того, кто меня похитил, вы сильно ошибаетесь.

Тимур посмотрел на неё с чем-то похожим на усталость.

— Я не думаю, что вы будете спокойны.

— Тогда остановите машину.

— Не могу.

— Не можете или не хотите?

— Это не имеет значения.

Катя отвернулась к окну, чтобы не сказать то, что ничего бы не изменило. Она умела спорить. В больнице спор был почти частью профессии: с родственниками, которые требовали невозможного, с начальством, которое экономило на обследованиях, с равнодушием, которое маскировалось под опыт. Но сейчас спорить было не с чем. Перед ней сидел человек, для которого её возмущение уже было учтённой переменной. Они ожидали, что она будет сопротивляться. Они ожидали её вопросов. Возможно, ожидали даже попытки бегства. И от этого всё происходящее становилось не внезапным нападением, а частью чужого плана, в котором ей

уже отвели место.

Машина свернула с широкой трассы. Катя поняла это по изменившемуся звуку дороги: асфальт стал тише, фонари реже, за окнами вместо придорожных огней потянулась темнота леса. Дождь, который в городе был мелкой моросью, здесь казался плотнее. Капли ползли по стеклу чёрными нитями, и в их движении было что-то гипнотическое, почти болезненно спокойное. Она попыталась восстановить маршрут по времени, но провал в памяти мешал. От больницы до выезда из города могло пройти двадцать минут, могло сорок. Препарат отнял у неё не только сознание, но и возможность понять, где она находится, а значит, лишил первого простого шанса на спасение.

Она снова посмотрела на Тимура. В его лице не было удовольствия от контроля. Это казалось странным. Люди, которые получают власть над беспомощным человеком, часто выдают себя мелочами: лишним движением, насмешкой, взглядом, который задерживается чуть дольше, чем надо. Тимур ничего такого себе не позволял. Он держался так, будто присутствие Кати в этой машине было тяжёлой необходимостью, с которой он не спорит, потому что давно разучился спорить с приказами. И всё же в этом не было рабской покорности. Скорее, дисциплина человека, который однажды сделал выбор и теперь несёт его последствия, даже если сам выбор перестал быть чистым.

— Кто ваш хозяин? — спросила Катя, хотя слово «хозя-

ин» нарочно сделала оскорбительным.

— Вадим Алиев.

Имя ударило не сразу. Сначала оно прозвучало просто как набор чужих звуков, принадлежащих миру, где деньги двигают стены, а люди исчезают без шума. Потом память услужливо подбросила обрывки новостей: промышленная группа, медицинские технологии, благотворительные фонды, скандальная авария наследника, закрытое лечение за границей, редкие фотографии до катастрофы — высокий мужчина в дорогом костюме, холодная уверенность лица, рукопожатия с министрами, статьи о самом молодом миллиардере, который после гибели отца слишком быстро взял империю в руки. А потом — тишина. Несколько лет почти полного исчезновения из публичного поля. Катя не следила за светской хроникой, но фамилия Алиев была из тех, которые слышали даже те, кто не хотел слышать.

— Вадим Алиев похищает врачей? — спросила она после паузы.

— Вадим Алиев не хочет ждать, когда его начнут хоронить заживо.

В этой фразе впервые прозвучало что-то личное. Не эмоция даже, а трещина в официальном спокойствии. Катя уловила её мгновенно. Значит, речь действительно о болезни. Значит, её выбрали не случайно. В голове быстро, почти болезненно, начали соединяться детали: неврология, реабилитация, авария, исчезнувший из прессы миллиардер, угрозы

брату. Её нашли не как любого врача. Её нашли по специализации. Возможно, изучили её статьи, консультации, пациентов, результаты, которые она вытаскивала там, где другие ставили осторожный крест. От этой мысли стало тошно, хотя препарат уже не действовал. Чужие люди копались в её жизни, пока она ходила на смены, брала подработки, считала деньги до зарплаты и думала, что главная опасность — устать так, чтобы однажды ошибиться у постели пациента.

— Если он болен, ему нужна клиника, а не пленная врач.

Тимур едва заметно наклонил голову, будто признавал справедливость её слов, но это признание ничего не стоило.

— Клиники были. Врачи были. Консилиумы были.

— И теперь решили попробовать уголовное преступление?

— Теперь решили попробовать вас.

Катя замолчала. Не потому, что ей нечего было сказать, а потому, что во рту снова стало сухо, и сердце вдруг начало биться слишком часто. В этой фразе не было угрозы, но было понимание, что она уже вошла в историю, из которой нельзя выйти простым отказом. Её выбрали, привезли, поставили перед фактом. Она могла кричать, спорить, оскорблять Тимура и самого Вадима Алиева, но где-то впереди уже горел свет в окнах дома, куда её везли, и там кто-то ждал результата.

Дорога стала уже. Машина пошла медленнее, плавно огибая повороты. За окном, насколько позволяла тонировка,

виднелись стволы старых деревьев, слишком ровно посаженных, чтобы быть частью дикого леса. Аллея. Частная территория. Катя почувствовала, как что-то внутри неё сжалось, когда впереди проступили ворота. Они были высокими, коваными, с каменными столбами по бокам. На столбах горели фонари, и под их жёлтым светом мокрый металл казался почти чёрным. Камеры наблюдения повернулись вслед машине беззвучно, с пугающей точностью живого взгляда. Охрана у ворот не задавала вопросов. Один из мужчин в форме узнал машину, другой проверил что-то на планшете, и створки начали расходиться медленно, тяжело, словно открывался не въезд на территорию, а граница между прежней жизнью и той, где уже не действовали обычные правила.

Особняк появился не сразу. Сначала машина ехала по длинной аллее, и это ожидание оказалось мучительнее самого вида дома. Катя смотрела вперёд, стараясь запомнить всё: поворот после ворот, ряд старых лип, низкую каменную стену справа, тёмный силуэт беседки у пруда, ещё один пост охраны у развилки. Она не знала, пригодится ли это, но память цеплялась за детали, как человек в воде цепляется за любую ветку. Её учили диагностировать по мелочам: дрожь пальцев, задержка взгляда, изменение походки. Теперь она диагностировала собственную ловушку.

Когда дом наконец выступил из темноты, Катя невольно задержала дыхание. Она ожидала современную виллу с панорамными окнами, холодным стеклом и белым камнем,

что-то похожее на фотографии из журналов о богатстве, где роскошь старается выглядеть лёгкой. Но перед ней поднялся старый особняк, широкий и тёмный, с тяжёлым фасадом, высокими окнами и крышей, в которой угадывались башенки или их имитация. Свет горел не везде. Некоторые окна оставались чёрными, и оттого дом казался не жилым, а наблюдающим. Его красота не приглашала. Она давила, как давит старинный портрет в чужом кабинете, когда слишком долго смотришь в нарисованные глаза. Влажный камень блеснул под дождём, широкая лестница уходила к парадному входу, а по обе стороны от неё стояли фонари, похожие на караульных.

Машина остановилась у крыльца. Водитель не вышел сразу. Тимур посмотрел на Катю, и в его взгляде впервые появилось что-то почти человеческое — не сочувствие, скорее предупреждение.

— Внутри не пытайтесь бежать. Дом большой, охраны много. Вам дадут воду, возможность привести себя в порядок и потом проводят к нему.

— К больному или к заказчику? — спросила Катя.

— К Вадиму Алиеву.

Она хотела сказать, что не пойдёт. Хотела остаться в машине, упереться, заставить их тащить её силой, чтобы хотя бы это маленькое сопротивление осталось за ней. Но мысль о Никите снова поднялась изнутри острой болью. Она не знала, где он, не знала, правда ли с ним всё в порядке, не знала,

насколько далеко могут зайти люди, для которых похищение врача оказалось допустимым способом получить консультацию. И потому она сделала то, что ненавидела уже в момент действия: позволила Тимуру открыть дверь и вышла сама.

Холодный воздух ударил в лицо. Дождь был мелким, но настойчивым, оседал на волосах, на воротнике куртки, на коже. Ноги слушались неуверенно, и на первом шаге Катя едва заметно качнулась. Тимур протянул руку, но она отстранилась раньше, чем он успел коснуться её локтя. Он не стал настаивать. Это тоже раздражало. Ей легче было бы ненавидеть его, если бы он схватил грубо, если бы усмехнулся, если бы приказал не изображать гордость. Но он просто пошёл рядом, на расстоянии полушага, оставляя ей иллюзию самостоятельности там, где никакой самостоятельности уже не было.

Двери особняка открылись изнутри. На пороге стояла пожилая женщина в тёмном платье, с гладко убранными седыми волосами и лицом, на котором тревога была спрятана так глубоко, что неопытный человек мог бы принять её за равнодушие. Катя заметила, как женщина быстро посмотрела на неё, потом на Тимура, потом снова на Катю, задержав взгляд на её бледном лице. В этом коротком взгляде было больше сострадания, чем во всём, что произошло с момента похищения, но женщина ничего не сказала. Только отступила, пропуская их внутрь.

Холл оказался огромным и полутёмным. Под ногами

блеснул мрамор, впереди уходила вверх широкая лестница с тёмными перилами, по стенам висели портреты, и от каждого из них исходило молчаливое давление чужой родовой памяти. Здесь пахло воском, старым деревом, дорогими тканями и чем-то лекарственным, едва уловимым, но для Кати сразу заметным. Этот запах не принадлежал холлу. Он просачивался откуда-то из глубины дома, нарушая безупречную картину богатства, напоминая, что за тяжёлыми дверями есть не только деньги и власть, но и болезнь, возможно, давняя, скрытая, ставшая частью стен.

Пожилая женщина подошла ближе.

— Я Агата Павловна, — сказала она негромко. — Вам нужно выпить воды.

Катя посмотрела на неё внимательно. Имя прозвучало по-домашнему, почти безопасно, но безопасность в этом доме уже не могла быть настоящей. стакан воды, который ей подали, она взяла, но сначала понюхала, не скрывая этого. Тимур заметил, Агата Павловна тоже. На лице пожилой женщины мелькнула боль, будто ей стало стыдно за дом, в котором гостя вынуждена проверять воду, но она снова промолчала. Катя сделала несколько маленьких глотков. Вода была обычной. От этого почему-то захотелось плакать, но она только крепче сжала стакан.

Где-то наверху глухо закрылась дверь. Звук прокатился по дому и растворился под высоким потолком. Катя подняла голову. На втором этаже, у перил, на мгновение появилась

фигура мужчины в костюме, но он тут же исчез в тени коридора. Дом жил. За стенами кто-то ходил, наблюдал, ждал, возможно, уже знал, что её привезли. Она почувствовала себя не просто пленницей, а новой переменной в сложной, давно запущенной системе, где каждый участник знает больше неё и только она вынуждена делать вид, что ещё может отказать.

— Мне нужно позвонить брату, — сказала она, обращаясь уже не столько к Тимуру, сколько к самому дому, потому что казалось, что здесь слышат даже стены.

— Позже, — ответил Тимур.

— Сейчас.

— После встречи.

Катя медленно повернулась к нему. Слабость почти прошла, и теперь в ней оставались только усталость и злость, опасно ясные после пережитого страха.

— Передайте Вадиму Алиеву, что я не буду осматривать его, пока не услышу голос брата.

Тимур задержал на ней взгляд. В холле стало очень тихо. Даже Агата Павловна будто перестала дышать. Несколько секунд ничего не происходило, и в этих секундах Катя вдруг поняла, насколько мало знает о человеке, который ждёт её наверху или в глубине этого дома. Она не знала, болен ли он настолько, как говорят. Не знала, отдавал ли приказ сам. Не знала, способен ли он причинить вред Никите только ради того, чтобы заставить её работать. Но она знала другое: если

уступит сразу, без единого условия, дальше у неё не останется даже собственного голоса.

Тимур достал телефон. Не её — свой. Набрал короткое сообщение или номер, Катя не успела понять. Он слушал недолго, потом сказал всего несколько слов, слишком тихо, чтобы она разобрала. Его лицо при этом не изменилось, но воздух вокруг словно стал плотнее. Наконец он убрал телефон и посмотрел на неё.

— Вам дадут одну минуту. При мне.

Катя хотела потребовать больше, хотела сказать, что не позволит слушать разговор, но понимала, что сейчас выиграла только крошечную уступку, и даже она могла исчезнуть. Тимур протянул ей телефон уже с набранным номером. На экране не было имени, только цифры. Катя приложила аппарат к уху и услышала длинные гудки. Один. Второй. Третий. С каждым ударом в тишину её сердце опускалось ниже. Потом щёлкнуло соединение, и сонный, испуганный голос Никиты сказал: «Алло?»

Она закрыла глаза. На миг холл, Тимур, старые портреты и тяжёлая лестница исчезли. Остался только этот голос, живой, растерянный, слишком молодой для всех бед, в которые он успевал попадать. Катя спросила, где он, но Никита начал говорить сбивчиво: дома, всё нормально, приходили какие-то люди, сказали, чтобы он не выходил и отвечал на звонки. Он пытался шутить, но Катя слышала дрожь под его словами. Ей захотелось обнять его так сильно, что пальцы

побелели на корпусе телефона. Она сказала ему не открывать дверь, никому не верить, ждать её звонка. Не успела добавить ничего важного. Тимур спокойно забрал телефон.

После этого сопротивление внутри неё не исчезло, но изменило форму. До звонка она была человеком, которого вырвали из жизни. После звонка стала человеком, которому показали заложника, не называя это заложником. Никита был жив. Значит, её можно было заставлять. Никита был под присмотром. Значит, каждый её шаг отныне имел цену.

— Теперь к нему, — сказал Тимур.

Катя поставила стакан на край высокого столика, и стекло тихо звякнуло о полированное дерево. Этот звук почему-то показался ей окончательной точкой. Она больше не могла притворяться, что всё ещё находится на границе происходящего. Она уже вошла. Уже выпила воду в этом доме, услышала голос брата с чужого телефона, узнала имя человека, которому понадобилась её профессия настолько, что он решил отнять её свободу.

Они пошли не по парадной лестнице, как она ожидала, а по длинному коридору первого этажа. Свет здесь был мягче и ниже, двери располагались далеко друг от друга, ковёр глушил шаги. На стенах висели не портреты, а старые фотографии: мужчина с жёстким лицом у заводского цеха, мальчишки разного возраста на фоне яхты, женщина в светлом платье, чьё лицо было повернуто в сторону и потому казалось недоступным. Катя не успевала рассматривать, но чувствовала,

что дом показывает ей не всё. Он давал фрагменты, как пациент, который скрывает главный симптом и надеется, что врач не задаст правильный вопрос.

У одной из дверей Тимур остановился. Дверь была массивной, тёмной, с латунной ручкой, отполированной множеством прикосновений. Перед ней не стояла охрана, и это оказалось страннее, чем если бы стояла. Тишина за дверью была не пустой. В ней чувствовалось присутствие человека, который не ходит по комнате, не приближается, не открывает сам, но всё равно держит пространство под контролем.

Тимур постучал один раз и, не дожидаясь ответа, открыл.

Катя ещё не видела Вадима Алиева, только полоску света, упавшую из комнаты на ковёр, край медицинской стойки у стены, тёмный силуэт высокой кровати и окно, за которым дождь продолжал стекать по стеклу. Но уже в эту секунду она поняла: всё, что было до сих пор, было только дорогой. Настоящая ловушка начиналась здесь.

Она вошла, заставив себя не опустить взгляд.

И в глубине комнаты мужской голос, низкий, хрипловатый, слишком властный для больного человека, произнёс:

— Доктор Соколова. Вы заставили меня ждать.

Катя остановилась на пороге. Перед ней лежал человек, который не мог встать ей навстречу, и всё же в комнате сразу стало ясно: именно он здесь был хозяином. Не Тимур, не охрана, не мрачный дом с закрытыми окнами. Этот неподвижный мужчина с бледным лицом и тяжёлым взглядом

распоряжался чужими судьбами так же естественно, как другие люди протягивают руку к выключателю.

И Катя, чувствуя, как страх снова возвращается, уже холодный и трезвый, впервые увидела Вадима Алиева.

Глава 2. Пациент номер один

Комната, в которую вошла Катя, сначала показалась ей слишком большой для одного человека и слишком тихой для больного. Она успела заметить это раньше, чем окончательно разглядела Вадима Алиева, потому что профессиональный взгляд по привычке схватил не лицо, а пространство вокруг пациента. Высокие потолки, тяжёлые тёмные шторы, плотно задёрнутые несмотря на ночь за окнами, старинный камин с холодной чёрной пастью, широкая кровать с механизмом подъёма, медицинская стойка у изголовья, монитор, выключенный или переведённый в режим ожидания, несколько флаконов на отдельном столике, аккуратно расставленные так, будто за порядком следили не медсёстры, а человек, для которого каждая вещь должна была знать своё место. Роскошь здесь не украшала болезнь, а пыталась её спрятать, но от этого становилась только заметнее. Под дорогими тканями, полированным деревом и приглушённым светом всё равно чувствовалась палата: запах антисептика, сухой воздух, слишком чистые поверхности, отсутствие случайных предметов, которые бывают возле кровати живого человека, когда он сам выбирает, чем заполнить день.

Вадим Алиев лежал полусидя, приподнятый подушками и регулируемой спинкой кровати. На первый взгляд он казался моложе, чем ожидала Катя после всех этих рассказов о трёх годах неподвижности, но болезнь уже успела оставить на нём свою работу: лицо стало резче, скулы выступали сильнее, ко-

жа выглядела бледной в тёплом свете лампы, а худоба была не модной, не аристократической, а той, которую даёт долгая борьба тела с собственным поражением. И всё же самым заметным в нём была не неподвижность. Катя видела много лежачих пациентов, видела людей после инсультов, травм, операций, видела страх, смирение, раздражение, отупляющую усталость боли. Вадим не был похож ни на одного из них. Его тело могло предавать его, но взгляд оставался таким, будто именно он привёз её сюда, открыл перед ней дверь и сейчас решал, сколько правды ей позволено узнать.

Он смотрел на неё без любопытства. Скорее с той холодной оценкой, с какой человек, привыкший покупать лучшее, смотрит на вещь, которую ему долго рекомендовали, но которая ещё не доказала своей цены. В этом взгляде не было мужского интереса, не было сочувствия к её испугу, не было даже раздражения из-за ожидания, хотя именно ожиданием он встретил её первой фразой. И всё же Катя почувствовала, что он заметил всё: как она вошла, как задержалась у порога, как оценила стойку с препаратами, как не опустила глаз, хотя страх ещё жил в ней и теперь становился злее, потому что получил лицо и имя. Она стояла на границе между коридором и комнатой, и ей вдруг стало ясно, что этот человек, не способный подняться навстречу, привык заставлять других подходить ближе.

Тимур остался у двери. Он не сказал ни слова, но его присутствие за спиной Кати давило почти физически. Агата

Павловна исчезла где-то в холле, и теперь рядом были только они трое: похищенная врач, неподвижный миллиардер и молчаливый исполнитель чужой воли. Катя сделала несколько шагов в комнату, потому что оставаться на пороге означало бы признать себя испуганной гостьей, а она не собиралась быть ни гостьей, ни послушной пленницей. Пол под ногами был покрыт ковром, поэтому её шаги не прозвучали. Эта бесшумность раздражала; в больнице всё отзывалось звуком — тележки, подошвы, двери, голоса, приборы. Здесь даже движение поглощалось домом, будто особняк не любил, когда в нём что-то происходило без разрешения.

— Доктор Соколова, — произнёс Вадим. — Наконец-то.

Его голос оказался ниже, чем она ожидала, с хрипотцой, которая могла быть следствием долгой неподвижности, редкого разговора или привычки говорить на грани усталости. Но в нём не было слабой просьбы. Он не просил о помощи, не объяснял, не извинялся. Он просто называл её фамилию так, будто уже давно владел всей информацией о ней и теперь лишь сверял живой оригинал с досье.

Катя остановилась у подножия кровати. Она не стала подходить к изголовью, как подошла бы к обычному пациенту. Слишком многое в этой комнате было устроено для того, чтобы заставить её играть по чужим правилам, и она почти физически сопротивлялась каждому навязанному движению.

— Вы похитили меня из больницы, — сказала она.

Вадим чуть заметно склонил голову. Это не было ни отрицанием, ни признанием вины. Скорее жест человека, который соглашается с формулировкой, но не считает её главной.

— Я организовал вашу доставку.

Катя посмотрела на него так, как смотрела иногда на родственников пациентов, когда те пытались назвать халатность «недоразумением», а жестокость — «сложной ситуацией». Она почувствовала, как внутри поднимается знакомое, профессионально обузданное бешенство, то самое, которое помогало ей не плакать после тяжёлых смен и не сдаваться, когда перед ней ставили подпись вместо диагноза.

— Удобное слово. Доставка. Им можно назвать всё, если у вас достаточно денег.

Его губы едва двинулись. Не улыбка, скорее тень реакции. Катя не поняла, развеселила она его или разозлила, и от этого ей стало неприятнее. С обычными людьми можно было искать предел. С Вадимом Алиевым предел не угадывался. Он лежал перед ней почти неподвижно, но в комнате всё равно ощущалось напряжение хищника, который не может броситься, но ещё способен приказать другим.

— Садитесь, — сказал он.

— Я постою.

— Вам всё ещё плохо после препарата. Сядьте.

— Вы беспокоитесь о моём состоянии?

— Я беспокоюсь о качестве работы, которую вы должны выполнить.

Катя сделала медленный вдох. Её пальцы сжались сами собой, ногти впились в ладонь. Где-то за спиной Тимур чуть переместил вес с одной ноги на другую, но не вмешался. Возможно, он уже видел, как люди реагируют на Вадима впервые. Возможно, ждал привычного результата: крик, слёзы, попытка договориться, затем усталое подчинение. Катя не собиралась давать им ни одного из этих удобных вариантов.

— Я ничего вам не должна.

Вадим посмотрел на неё долгим взглядом. В нём не появилось ни угрозы, ни раздражения, но тишина после её слов стала плотнее. Он не повысил голос, не позвал охрану, не напомнил сразу о Никите, и именно поэтому следующий его ответ прозвучал страшнее, чем мог бы прозвучать крик.

— Ваш брат сейчас дома. Он напуган, но цел. Пока вы будете разумны, с ним ничего не случится.

Катя почувствовала, как холод проходит по спине, но не позволила себе отвести взгляд. Вадим произнёс это спокойно, почти деловито, будто говорил о залоге по контракту. Её брат, живой человек, мальчишка, который всё ещё забывал выключать свет на кухне и звонил ей из магазина, чтобы спросить, какой хлеб купить, был превращён в пункт условий. В эту секунду ненависть к Вадиму стала простой и чистой. Не потому, что он был богат, груб или болен. А потому, что он знал, куда нажать, и нажал без колебаний.

— Если с ним что-то случится, — сказала она, и голос её стал тише, чем прежде, — вы можете забыть не только о

лечении. Вы можете забыть о том, что я врач.

— Угрожаете пациенту?

— Пациента передо мной пока нет. Передо мной заказчик похищения.

Теперь он всё-таки улыбнулся, но улыбка оказалась нехорошей, короткой, почти болезненной. На его лице она выглядела не признаком веселья, а движением давно неиспользованной мышцы.

— Отлично. Значит, вы не из тех, кто падает в обморок при виде фамилии Алиев.

— Я падаю в обморок только от препаратов, которые ваши люди прижимают к лицу в тёмном дворе.

Тимур у двери опустил взгляд. Вадим заметил это и перевёл на него глаза. Одного этого взгляда оказалось достаточно, чтобы Катя поняла: между ними есть иерархия, построенная не на громких приказах. Тимур мог быть сильнее физически, мог ходить, открывать двери, распоряжаться охраной, но в этой комнате главным оставался человек на кровати. И, возможно, именно это делало всё происходящее таким пугающим: власть Вадима не зависела от тела.

— Тимур, оставьте нас, — сказал Вадим.

Катя резко повернулась.

— Нет. Он останется у двери. Или я выйду.

Вадим посмотрел на неё с новым выражением. Впервые в его взгляде появилось нечто похожее на интерес. Не тёплый, не человеческий, но настоящий. До этого он будто проверял

соответствие: возраст, голос, характер, реакция. Теперь увидел препятствие, которое не укладывалось в простую схему. Катя сама удивилась, что потребовала присутствия человека, который участвовал в её похищении, но оставаться наедине с Вадимом сейчас было бы невыносимо. Тимур был угрозой понятной. Вадим — нет.

— Боитесь меня? — спросил он.

— Я не обязана доказывать вам храбрость.

— Значит, боитесь.

— Значит, я умею оценивать риски.

На этот раз он не ответил сразу. Пауза растянулась, и Катя, несмотря на злость, снова увидела пациента. Увидела, как неподвижно лежат его ноги под тонким покрывалом, как правая рука расположена поверх одеяла чуть неестественно, будто её положили так чужие пальцы, как плечи удерживают напряжение человека, который не может сменить позу тогда, когда хочет. Увидела тонкую трубку катетера под тканью, след от пластыря на предплечье, бледность кистей, не соответствующую власти голоса. Она не хотела видеть этого. Ей было легче ненавидеть его целиком, не отделяя преступление от болезни. Но врачебное зрение не спрашивало её согласия. Оно уже работало.

Вадим заметил перемену в её взгляде. Его лицо стало жёстче.

— Не надо смотреть на меня так.

— Как?

— Как на пациента.

Катя вздрогнула внутренне, потому что он попал слишком точно. Она действительно уже раскладывала его состояние на признаки. И это, видимо, было для него оскорбительнее, чем её обвинения. Он мог выносить страх, злость, грубость, но не то профессиональное отстранение, с которым больное тело превращается в случай, в историю болезни, в набор нарушенных функций.

— Вы сами привезли сюда врача, — сказала она. — Врачи смотрят именно так.

— Тогда начинайте.

Она почти рассмеялась от абсурдности приказа. Начинайте. Будто она вошла на плановую консультацию, будто у неё есть карта пациента, согласие на осмотр, условия, право отказать, право вызвать полицию. Будто не её привезли в дом, где окна казались тёмными глазами, а брат оставался под чужим наблюдением.

— Сначала условия.

— Условия ставлю я.

— Тогда вы можете продолжать лежать здесь со своими условиями.

Тишина после этих слов стала острой. Тимур у двери медленно поднял глаза. Катя понимала, что зашла дальше, чем безопасно, но отступить уже не могла. Вадим смотрел на неё неподвижно, и на его лице не было той ярости, которой она ожидала. Было другое: холодное, почти усталое удивление

человека, перед которым редко закрывают дверь. Он привык, что люди вокруг либо боятся, либо покупаются, либо изображают преданность так долго, что сами начинают верить. Катя не принадлежала ни к одной из этих категорий, и это мешало ему сердиться привычным образом.

— Назовите, — сказал он наконец.

Катя не сразу поняла.

— Что?

— Условия.

Она сглотнула. Горло всё ещё саднило после препарата, но теперь голос стал твёрже.

— Я каждый день говорю с братом. Не через ваших людей, не под диктовку, а сама. Если он исчезает, если ему угрожают, если я слышу в его голосе что-то, что мне не нравится, лечение прекращается. Мне возвращают телефон или дают возможность связи. Я получаю полную медицинскую документацию, результаты обследований, список препаратов за последние три года, имена врачей, которые вас вели. Я работаю как врач, а не как пленная сиделка. И если вы хотите, чтобы я хотя бы попыталась помочь, вы не вмешиваетесь в медицинские решения только потому, что привыкли командовать.

Она сказала это почти на одном дыхании, хотя обещала себе не торопиться. Вадим слушал внимательно, не перебивая. Чем дольше он молчал, тем отчётливее она понимала, что каждое слово сейчас взвешивается не как просьба, а как

пункт сделки. Он не думал о справедливости. Он думал об эффективности. И в этой холодной способности оценивать даже собственное унижение было что-то пугающе сильное.

— Телефон вам не вернут, — сказал он. — Пока. Разговор с братом — один раз в день, при Тимуре. Документы получите. Медицинские решения будете объяснять мне лично. Не охране, не прислуге, не моим родственникам. Мне. Если я сочту ваши объяснения убедительными, вы получите свободу действий.

— Если нет?

— Тогда мы будем спорить.

— Вы не умеете спорить. Вы умеете похищать.

Он посмотрел на неё так, будто это должно было задеть, но не задело. Или задело слишком глубоко, чтобы проявиться сразу.

— Вы быстро делаете выводы.

— У меня было несколько часов дороги, чтобы подумать.

— И к чему пришли?

— Что вы опасный человек, который считает чужую жизнь инструментом. Что ваш дом похож на тюрьму. Что ваш начальник охраны не садист, но это не делает его невиновным. Что мой брат для вас рычаг давления. И что болезнь не сделала вас лучше.

В комнате стало так тихо, что Катя слышала слабый звук работающего прибора где-то у изголовья, хотя прежде не обращала на него внимания. Вадим не отвёл взгляда. Его лицо

оставалось неподвижным, но в скулах появилось напряжение. Она ждала угрозы. Ждала, что он напомнит о Никите, прикажет Тимуру вывести её, накажет за дерзость каким-нибудь новым способом, доступным человеку его денег и его обиды. Но Вадим вдруг медленно выдохнул, и в этом выдохе было больше усталости, чем злости.

— Болезнь вообще редко делает людей лучше, доктор Соколова. Чаще она снимает всё лишнее и оставляет то, что было внутри.

Катя не нашла ответа. Не потому, что согласилась, а потому, что впервые услышала под его словами не угрозу, а правду, пусть жестокою и горькою. Он не пытался казаться хорошим. Возможно, не верил, что ещё способен на это. И всё же именно эта циничная честность на мгновение выбила у неё почву из-под ног.

Она отвела взгляд первой — не вниз, а в сторону, к медицинскому столику. Там лежала папка в тёмной кожаной обложке, рядом несколько ампул, блистер с таблетками, шприцы в стерильной упаковке и лист назначений, прижатый металлическим зажимом. Катя сделала шаг ближе. Вадим не остановил её. Тимур у двери тоже молчал. Она взяла лист, ожидая увидеть привычную схему реабилитации, обезболивающие, препараты для контроля спастики, витамины, антикоагулянты, средства от нейропатической боли. Часть названий действительно была ожидаемой. Но среди них оказались и другие — не невозможные, не прямо запрещённые,

но странные в сочетании, дозах и длительности. Катя нахмурилась, забыв на секунду даже о том, где находится.

Вадим заметил это мгновенно.

— Что?

— Пока ничего.

— Вы изменились в лице.

— У врачей бывает такое лицо, когда они читают назначения.

— И что говорит ваше лицо?

Катя не ответила. Она подошла к стойке, перевернула второй лист, потом третий. Почерк был аккуратным, почти каллиграфическим. Доктор Левин, семейный врач, судя по подписи, вёл Вадима давно и уверенно. Слишком уверенно. В схеме была логика, если смотреть на неё глазами человека, который хочет удерживать пациента в управляемом, сонном, слабом состоянии. Но если целью было восстановление, эта логика начинала расползаться. Катя ещё не могла делать выводы. Нельзя было обвинять незнакомого врача по нескольким листам без анализов, без динамики, без осмотра. Но первое неприятное чувство уже появилось: не ошибка даже, а чужой почерк в болезни, слишком последовательный, слишком удобный.

— Кто назначал это? — спросила она.

— Левин.

— Он невролог?

— Он ведёт меня с момента возвращения из клиники.

— Это не ответ.

Вадим чуть прищурился. Его, очевидно, не часто поправляли таким тоном, но сейчас он больше хотел понять её реакцию, чем поставить её на место.

— Терапевт, реаниматолог в прошлом. Семейный врач. Доступ к узким специалистам у него был.

Катя снова посмотрела в листы. Чем дальше она читала, тем сильнее ощущала, как профессиональная часть сознания вытесняет страх. Не полностью, нет; он оставался рядом, в теле, в памяти о Никите, в понимании, что дверь за её спиной контролирует чужой человек. Но перед ней был пациент. Сложный, неприятный, опасный, возможно, виновный перед ней так, что это нельзя будет просто стереть. И всё же пациент. Его тело рассказывало историю, которая не совпала с бумагами.

— Мне нужен осмотр, — сказала она.

Вадим ответил не сразу. Его взгляд стал тяжелее. Для большинства пациентов осмотр был формальностью, пусть неловкой. Для него, как Катя вдруг поняла, это было вторжение на территорию последней гордости. Он мог приказать похитить врача, мог торговаться её братом, мог владеть домом и охраной, но не мог сам поднять ногу, повернуться, сесть без помощи, скрыть слабость тела от чужого профессионального взгляда. Возможно, именно поэтому он так яростно держался за власть там, где она у него ещё оставалась.

— Тимур выйдет, — сказал он.

— Нет.

— Я не буду проходить осмотр при охране.

— Тогда позовите медбрата или сиделку, которым вы доверяете. Мне нужен свидетель, и вам тоже. В нашем положении это разумнее.

Он смотрел на неё долго. Катя выдержала взгляд. Она понимала, что просит не только из осторожности. Ей самой было необходимо, чтобы между ними оставалась граница. Вадим был её похитителем, но осмотр требовал близости, прикосновения, работы с телом, которое не могло ответить на её руки сопротивлением так, как ответил бы здоровый мужчина. В этой странной перевернутой ситуации уязвимыми были оба, и от этого становилось почти невыносимо.

Вадим наконец коротко кивнул.

— Тимур останется у окна. Спиной.

Это было не идеальное решение, но сейчас достаточно. Тимур без возражений отошёл к окну и повернулся лицом к шторам. Катя поставила папку на столик, подошла к раковине в нише, тщательно вымыла руки и только потом вернулась к кровати. Этот простой больничный ритуал неожиданно помог ей собрать себя. Вода, мыло, движение пальцев, полотенце. В любом хаосе профессия начиналась с того, что ты приводишь руки в порядок перед тем, как коснуться другого человека.

— Я буду проверять чувствительность, мышечный тонус и рефлексы. Если будет больно, скажете.

— Я не привык жаловаться.

— Меня не интересует ваша привычка. Меня интересует информация.

Он снова чуть заметно усмехнулся, но на этот раз без прежней ядовитости. Катя откинула край покрывала, стараясь сохранять ровное выражение лица. Ноги Вадима были худыми, с выраженной потерей мышечной массы, но не настолько безнадёжными, как она ожидала после трёх лет почти полной неподвижности. Суставы требовали осторожности, кожа нуждалась в постоянном контроле, но признаки ухода были хорошими. Значит, за телом следили. Не бросили. Не дали разрушиться полностью. И в то же время что-то не сходилось. При таком уровне ухода, при таких возможностях, при деньгах, которые могли купить лучшие технологии и команды специалистов, динамика не должна была быть такой ровной в сторону беспомощности.

Катя начала с простого. Прикосновение к коже, просьба сказать, где он чувствует, где нет, различает ли давление, холод, лёгкое касание. Вадим отвечал скупой, иногда с задержкой, иногда раздражённо, когда не мог дать точный ответ. Его раздражение было почти физически ощутимо. Оно поднималось всякий раз, когда тело не подтверждало его волю. Катя видела, как напрягается его челюсть, как пальцы правой руки сжимаются на простыне, когда он не чувствует то, что должен почувствовать, или чувствует слишком смутно. Её злость на него никуда не делась, но рядом с ней появи-

лось другое, нежеланное: понимание ежедневного унижения человека, для которого контроль был не чертой характера, а способом выжить.

Она проверила тонус, осторожно согнула и разогнула ногу, проследила за реакцией мышц. Вадим молчал, но его дыхание изменилось. Он пытался скрыть боль или страх, возможно, и то и другое. Катя не стала комментировать. Её учили, что иногда милосердие врача заключается не в мягких словах, а в том, чтобы не называть вслух то, что пациент ещё не готов услышать. Она перешла к другой ноге, затем к стопам, к сухожильным рефлексам, к небольшим пробам, которые в обычном кабинете заняли бы меньше времени, но здесь каждое движение требовало осторожности и напряжения.

— Вы принимаете всё по этой схеме? — спросила она, не отрываясь от осмотра.

— Да.

— Бывают периоды большей слабости после инъекций?

— Бывают периоды, когда я хочу выгнать всех врачей из этой комнаты.

— Это не медицинский симптом.

— Для меня — вполне.

Катя не улыбнулась, хотя в другой ситуации могла бы оценить сухость ответа. Она снова взяла лист назначений и сопоставила время уколов с тем, что успела увидеть. Ей нужны были анализы, электронейромиография, снимки, выписки,

динамика. Но уже сейчас внутри складывалось первое подозрение. Не окончательный диагноз, не обвинение, а тонкая линия, которая тянулась от препарата к сонливости, от сонливости к слабости, от слабости к выводу о безнадёжности. Если эту линию подтвердить, всё лечение Вадима за последние месяцы придётся пересматривать.

— Что вы видите? — спросил он.

Катя укрыла его ноги покрывалом. Жест вышел аккуратным, почти заботливым, и она сама это заметила с раздражением. Он тоже заметил, но ничего не сказал.

— Я вижу, что мне нужны документы. Все. Не выборка, не красивая папка для приглашённого специалиста, а всё, что есть. Снимки, протоколы операций, результаты анализов, заключения реабилитологов, дневники наблюдений, назначения по датам, реакции на препараты.

— Получите.

— И доступ к доктору Левину.

Вадим посмотрел на неё внимательнее.

— Зачем?

— Затем, что часть назначений требует объяснений.

В комнате снова стало тихо. Тимур у окна не повернулся, но Катя почувствовала, что он слушает. Вадим лежал неподвижно, и всё же лицо его изменилось. Не резко, не явно. Просто в глазах появилась та мрачная сосредоточенность, с которой человек слышит подтверждение собственных подозрений, но ещё боится поверить.

— Вы считаете, меня лечили неправильно?

Катя сняла перчатки, бросила их в контейнер, вымыла руки снова. Она тянула время не из осторожности, а потому, что понимала вес ответа. Сказать слишком мало — значит оставить его в неведении. Сказать слишком много — значит дать надежду или подозрение без доказательств. Вадим, вероятно, годами жил среди врачей, которые говорили обтекаемо, успокаивали, скрывали, прикрывали собственное бессилие сложными формулировками. Он мог заслуживать её ненависти, но как пациент имел право на точность.

— Я считаю, что ваша схема лечения выглядит странно, — сказала она наконец. — Возможно, у доктора Левина есть объяснение. Возможно, я пока не вижу полной картины. Но если вы хотите, чтобы я работала, с сегодняшнего дня ни одной инъекции без моего просмотра.

— Вы только что сказали, что не будете лечить меня.

— Я сказала, что не буду подчиняться вам как пленная. Это другое.

— Для меня разница пока неочевидна.

Катя повернулась к нему. Усталость после смены, похищения, дороги, страха за брата и осмотра внезапно навалилась на неё всей тяжестью. Она стояла посреди роскошной спальни-палаты, в чужом доме, без телефона, без свободы, перед человеком, который был одновременно преступником и пациентом, и понимала, что её жизнь с этой ночи разделась на до и после так же необратимо, как жизнь самого

Вадима когда-то разделила авария. Она не хотела ему помогать. Но уже видела слишком много, чтобы уйти внутренне, даже если тело оставалось запертым здесь против её воли.

— Разница в том, что врачебную работу я делаю не для вас как для Вадима Алиева, — сказала она. — Не для вашего имени, денег или угроз. Я делаю её потому, что передо мной больной человек и потому, что кто-то, возможно, сделал его состояние хуже. Но если вы ещё раз используете моего брата в разговоре со мной, я буду помнить не пациента. Я буду помнить только похитителя.

Его взгляд стал темнее. На секунду ей показалось, что она всё-таки перешла границу. Но Вадим не позвал Тимура и не ответил угрозой. Он лишь медленно опустил глаза на свои неподвижные ноги, укрытые дорогим покрывалом, и это движение оказалось неожиданно тяжёлым. В нём не было слабости напоказ. Только короткое, почти неуловимое признание факта, от которого он, возможно, каждое утро просыпался с той же яростью, с какой засыпал.

— Если вы ошибаетесь, — сказал он, — я потеряю время.

— Да.

— Если вы правы?

Катя посмотрела на лист назначений, лежащий на столике. Потом на выключенный монитор, на ампулы, на шторы, за которыми ночь давила на стёкла, на дверь, за которой начинался дом, полный людей, умеющих молчать. Если она права, всё здесь было не просто болезнью. Тогда эта комната

была не убежищем богача, а тщательно обставленной клеткой. Тогда Вадима не только лечили плохо. Его удерживали в таком состоянии, где власть оставалась при нём на бумаге, но тело каждый день убеждало всех вокруг, что он уже почти не человек, а проблема, которую скоро решат юристы.

— Тогда вам придётся признать, что опасность не снаружи, — сказала она. — Она в этом доме.

Вадим поднял на неё глаза. На этот раз в них не было насмешки. Только холодное, внимательное молчание человека, который давно подозревал правду, но впервые услышал её от чужого голоса. От женщины, которую сам же приказал привезти силой. От врача, которая ненавидела его и всё равно уже начала видеть то, что другие предпочитали не замечать.

За дверью послышались шаги. Катя повернулась раньше, чем Вадим успел что-то сказать. Шаги были неторопливые, уверенные, совсем не похожие на движение прислуги. Тимур у окна медленно развернулся. Вадим смотрел на дверь, и его лицо снова стало закрытым.

— Доктор Левин? — спросила Катя тихо.

— Нет, — ответил Вадим после короткой паузы. — Хуже. Дверь открылась без стука.

На пороге стоял мужчина в безупречном светлом пиджаке, слишком свежий и спокойный для этой ночи, с красивым лицом, на котором улыбка появилась раньше, чем взгляд остановился на Кате. Он окинул комнату быстрым, почти ленивым вниманием, задержался на папке с назначениями, на

медицинском столике, на её руках, всё ещё влажных после мытья, и только потом посмотрел на Вадима.

— Так вот она какая, — сказал он мягко. — Та самая доктор Соколова.

Катя не знала этого человека, но сразу поняла, что он не гость. Слишком свободно он вошёл. Слишком легко нарушил границы комнаты, в которой даже Тимур двигался осторожно. Вадим не представил его сразу, и это молчание оказалось красноречивее имени. Между братьями, если это был брат, воздух изменился мгновенно: стал холодным, плотным, полным давней ненависти, которую не нужно было проносить.

— Роман, — сказал Вадим наконец. — Выйди.

Мужчина улыбнулся шире, но в глазах его не появилось тепла.

— Неужели я помешал консультации?

Катя стояла между кроватью и медицинским столиком, всё ещё держа в памяти странную схему препаратов, угрозу брату, неподвижные ноги Вадима и первое, ещё не доказанное подозрение. Перед ней был новый человек из этого дома, красивый, вежливый, опасно спокойный. И внезапно она поняла, что Вадим Алиев, каким бы жестоким и властным ни был, возможно, не самый страшный человек в этих стенах.

Глава, которая начиналась с её ненависти к пациенту, заканчивалась другим чувством — не доверием, нет, до доверия было слишком далеко, — но тревожным, почти профес-

сиональным пониманием: чтобы выжить здесь и спасти брата, ей придётся лечить не только тело Вадима. Ей придётся поставить диагноз всему этому дому.

Глава 3. Человек, который ненавидит жалость

Роман вошёл в комнату так, будто не пересекал чужую границу, а возвращался в место, где все двери по умолчанию должны были открываться перед ним. Он умел это делать с той лёгкостью, которая у большинства людей вырабатывается не воспитанием, а долгой привычкой к безнаказанности. Светлый пиджак, сухие волосы, спокойное лицо человека, которого не коснулась ни поздняя ночь, ни дождь, ни болезнь за стенами этого дома, — всё в нём выглядело нарочно чужим на фоне тяжёлых штор, медицинской стойки и Вадима, лежащего в кровати с неподвижными ногами, но с таким взглядом, что воздух между братьями сразу стал холоднее. Катя, стоявшая у столика с назначениями, почувствовала это почти телесно: не просто неприязнь, не семейный спор за наследство, не усталую вражду людей, слишком долго живущих под одной крышей. Между ними было что-то старое, вросшее в стены, как запах лекарств в ткань, и оттого не нуждавшееся в объяснениях.

Вадим не смотрел на Романа как на гостя. Он смотрел на него как на угрозу, которую давно ждёт и всё равно ненавидит за сам факт появления. При этом его лицо почти не изменилось. Только пальцы правой руки, лежавшие поверх покрывала, сжались сильнее, и Катя, уже успевшая отметить слабость мышц, слишком ясно увидела цену этого маленького движения. Для другого человека это была бы просто ре-

акция раздражения. Для Вадима — единственный доступный жест тела, которое в прежней жизни, вероятно, вставало бы, приближалось, занимало пространство, заставляло собеседника отступить. Теперь всё, чем он мог ответить на вторжение, было сжатием пальцев и голосом. Возможно, именно поэтому голос стал оружием, отточенным до жестокости.

— Ты оглох? — спросил он. — Я сказал: выйди.

Роман не обиделся. Он вообще не выглядел человеком, которого можно задеть прямым приказом. Его улыбка оставалась мягкой, почти семейной, но в ней было что-то мёртвое, от чего Катя невольно почувствовала, что здесь привыкли произносить самые страшные вещи спокойными голосами. Он перевёл взгляд на неё, задержался на белом халате, который ей дали поверх собственной одежды уже в комнате, на папке с документами, раскрытой у её руки, на следах усталости после похищения и дороги. Этот взгляд не был откровенно грубым, но Катя ощутила себя не человеком, а обстоятельством, которое надо оценить и, если понадобится, устранить из уравнения.

— Вадим всегда драматизирует, — сказал Роман. — Особенно когда в доме появляется новый врач. Простите, доктор Соколова, я не успел представиться. Роман Алиев. Сводный брат вашего пациента.

Слово «пациента» прозвучало с лёгким нажимом, почти незаметным для постороннего, но не для Вадима. Катя увидела, как он поднял глаза на брата, и на мгновение ей показа-

лось, что в комнате стало меньше воздуха. Роман, возможно, хотел напомнить всем присутствующим, что Вадим теперь прежде всего больной человек, объект ухода, медицинский случай, зависимое тело под надзором чужих рук. И это было куда унижительнее прямого оскорбления.

— Вы пришли среди ночи из вежливости? — спросила Катя раньше, чем успела решить, стоит ли вмешиваться.

Роман посмотрел на неё с новым интересом, и в этом интересе не было ничего доброжелательного, хотя улыбка стала даже теплее.

— Из беспокойства. Мне сообщили, что Вадим снова устроил нечто... экстравагантное. Когда в дом привозят врача без обычных формальностей, это трудно не заметить.

Катя почувствовала, как в ней снова поднимается злость. Роман говорил так, будто стоял на стороне закона, здравого смысла и её нарушенной свободы, но за его словами не было ни настоящего возмущения, ни желания помочь. Он осторожно подбирал формулировки, оставляя себе возможность в любой момент оказаться правым. Если Катя испугается Вадима, Роман станет защитником. Если она начнёт лечиться, он станет наблюдателем. Если в лечении обнаружится что-то опасное для семьи, он, вероятно, найдёт способ первым назвать её некомпетентной.

— Если вас беспокоят формальности, — сказала она, — начните с полиции.

Роман тихо рассмеялся. Не громко, не обидно, почти

снисходительно, как смеются взрослые над ребёнком, который слишком прямо понял правила игры.

— Уверен, мы решим всё внутри семьи.

— Я не часть вашей семьи.

— Пока нет, конечно.

Эта фраза была сказана легко, но Катя почувствовала, как Вадим резко повернул голову к брату. Не телом — телом он почти не мог, — но всем оставшимся ему движением, всем напряжением лица. Роман будто нарочно бросил в комнату что-то липкое, двусмысленное, унижительное, заставляя каждого понять его по-своему. Катя сжала край папки. Ей хотелось сказать, что она здесь не по своей воле, что её похитили, что она не имеет отношения к их семейным играм. Но каждое такое слово при Романи почему-то могло стать не освобождением, а новой ловушкой. Он слушал слишком внимательно.

— Достаточно, — сказал Вадим.

В его голосе не было громкости, но Роман всё-таки перестал улыбаться на долю секунды. Очень коротко, почти незаметно. И в эту долю Катя увидела не брата, не светского мужчину, не человека из новостей, а того, кто ненавидит лежащего перед ним Вадима не меньше, чем боится его. Боится не тела, конечно. Боится имени, воли, памяти, каких-то решений, которые Вадим ещё способен принимать. И это странное открытие сделало происходящее сложнее. До этой минуты Катя хотела видеть в Вадиме только похитителя. Те-

перь рядом с ним стоял человек, при котором даже похититель на кровати начал казаться не центром опасности, а её пленником.

Роман не стал спорить. Он сделал шаг к двери, но перед уходом снова посмотрел на Катю.

— Доктор Соколова, если вам понадобится помощь или вы почувствуете, что мой брат... переходит границы, вы можете обратиться ко мне. Вадим после аварии стал тяжёлым человеком.

— Я был тяжёлым человеком и до аварии, — сказал Вадим. — Не приписывай себе роль свидетеля моего падения.

Роман задержался на пороге. Улыбка вернулась, но теперь уже хуже скрывала раздражение.

— Как скажешь.

Он вышел, закрыв дверь почти бесшумно. Но тишина после него не стала легче. Она осталась в комнате, как остаётся запах духов после человека, который давно ушёл. Катя стояла неподвижно, чувствуя, что только что увидела кусок чужой войны, и этот кусок был слишком острым, чтобы делать вид, будто её это не касается. Тимур у окна смотрел на дверь с каменным лицом. Вадим лежал, отвернувшись немного в сторону, и по его профилю было невозможно понять, о чём он думает. Впрочем, Катя уже начала подозревать, что в этом доме лица вообще редко показывают то, что происходит внутри.

— Теперь вы понимаете, почему я не люблю родственни-

ков у постели больного? — спросила она, нарушая молчание.

Вадим перевёл на неё взгляд.

— Вы всё ещё считаете меня больным?

— Я считаю вас пациентом. Это не комплимент и не оправдание.

— А Романа?

— Пока считаю человеком, который слишком хорошо умеет выглядеть безопасным.

Вадим смотрел на неё несколько секунд, и впервые за всё время между ними возникло нечто, похожее на молчаливое согласие. Оно было не тёплым, не примиряющим, но в этой комнате даже короткое совпадение взглядов ощущалось как риск. Катя быстро отвела глаза к листам назначений, словно документы могли вернуть её в понятную профессиональную область, где болезнь отделена от семейной ненависти, препараты от интриг, тело от власти. Но Вадим, кажется, уже устал. Не физически даже — физическая усталость была его постоянной средой, как воздух. Он устал от того, что чужие люди снова увидели его в момент, когда брат вошёл без разрешения и напомнил, что запертое тело делает любую власть неполной.

— На сегодня достаточно, — сказал он.

Катя хотела возразить, потребовать документы немедленно, задать вопросы о Левине, о Романе, о том, кто ещё имеет доступ к его комнате и препаратам. Но в его голосе прозвучало не приказание, а закрывающаяся дверь. Он больше не

был готов показывать ей ничего. Ни болезнь, ни ненависть, ни память. И это почему-то заставило её замолчать. Она сама была истощена, но не хотела признавать, что ноги дрожат от усталости, что в голове всё ещё держится тупая тяжесть после препарата, что страх за Никиту не ушёл после короткого звонка, а только стал частью крови.

Тимур подошёл к двери, ожидая её. Катя собрала папку, но Вадим остановил её взглядом.

— Это останется здесь.

— Мне нужны документы.

— Завтра получите копии.

— Я не доверяю копиям.

— Разумно. Но сейчас вы их всё равно не получите.

Катя положила папку обратно на столик медленно, почти демонстративно. Вадим наблюдал за этим с прежней холодной внимательностью, но теперь она уже видела за ней усталость. Он держал лицо так, как другие держат равновесие на краю. Любая слабость могла стать поводом для чужой власти, и он давно научился не давать повода. Возможно, это умение спасало его. Возможно, именно оно и превратило его в человека, который мог приказать похитить врача и назвать это доставкой.

Когда Катя вышла в коридор, дверь за ней закрылась не сразу. Она успела услышать, как Вадим резко выдохнул, будто только теперь позволил себе боль, которую удерживал при ней, при Романе, при Тимуре. Этот звук был коротким, по-

что незаметным, но он преследовал её, пока Тимур вёл её по коридору к гостевой комнате. В доме было тихо. Ночь за окнами казалась неподвижной. Старые портреты снова смотрели со стен, и Катя вдруг подумала, что в этом особняке каждый человек играет роль перед кем-то ещё: Вадим — перед семьёй, Роман — перед ней, Тимур — перед собственной совестью, Агата Павловна — перед страхом. А ей, возможно, отвели роль врача, который должен лечить тело, не замечая, что вокруг давно гниёт целая система.

Гостевая комната оказалась почти такой же безупречной, как всё здесь: высокая кровать, тяжёлые шторы, светлая ванная за приоткрытой дверью, графин с водой, запертое окно. На кресле уже лежала сменная одежда, слишком точно подобранная по размеру, и от этой предусмотрительности Кате стало дурно. Они знали её рост. Возможно, знали размер обуви, привычки, расписание смен, имя брата, слабые места. Она подошла к окну и проверила раму. Заперто. Не просто закрыто, а заперто ключом или встроенным механизмом. За стеклом темнел сад, мокрые ветви лип блестели под фонарями, и где-то вдали, за деревьями, угадывался пост охраны.

Тимур остался у двери.

— Вам принесут ужин, если захотите.

— Я не буду есть.

— Тогда чай.

Катя резко повернулась.

— Ничего. Только воду из закрытой бутылки.

Он кивнул так, будто ожидал именно этого. И снова эта спокойная, почти уважительная готовность учитывать её страх оказалась хуже грубости.

— Дверь будет заперта? — спросила она.

— Да.

— Спасибо за честность.

— Завтра утром вас проводят к Вадиму.

Она смотрела на него, пытаясь понять, есть ли смысл снова обвинять, спорить, требовать свободы. Но Тимур уже дал все ответы, которые мог или хотел дать. Он был частью системы, даже если где-то внутри ещё помнил, что система дурно пахнет. И Катя, вдруг чувствуя невыносимую усталость, только сказала:

— Он чудовище.

Тимур не ответил сразу. Его лицо оставалось неподвижным, но в глазах мелькнуло что-то такое, что могло быть воспоминанием.

— Иногда люди становятся такими, когда слишком долго остаются одни с болью.

— Это не оправдание.

— Я не сказал, что оправдание.

Он вышел и закрыл дверь. Замок щёлкнул мягко, почти деликатно, но от этого звук не стал менее окончательным. Катя осталась одна. Она стояла посреди комнаты, которая была слишком красивой для камеры и слишком запертой для спальни, и только теперь позволила себе обхватить плечи ру-

ками. Не плакать. Нет. Плакать она не могла, потому что слёзы в таком месте стали бы слишком дорогой роскошью. Она должна была думать. О Никите, о Вадиме, о странных назначениях, о Романе, о докторе Левине, которого ещё не видела, но уже не могла считать просто врачом. Но мысли распались, и перед глазами почему-то снова возникало лицо Вадима в тот момент, когда он услышал, что опасность может быть внутри дома. Не лицо властного похитителя. Не лицо миллиардера из старых новостей. Лицо человека, который давно подозревал, что его медленно хоронят живым, и всё равно продолжал просыпаться в той же кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.